

Валентин Бируля

Роль идеологии в современном мире
всегда была и будет важна, потому что
идеология — это то, что определяет
наше поведение и отношение к миру.
Идеология — это то, что определяет
наше будущее.

Современная идеология — это
идеология, которая определяет
наше будущее.

$$H_0 = (0.5) \cdot 0.01 + \frac{0.01}{4} \left(\frac{1}{4} \cdot 0 + \frac{1}{4} \cdot 0 \right) \cdot 1$$

Delete, или
Микроволновки
тоже...

Валентин Бируля

Delete, или

Микроволновки тоже...

<https://litres.ru/74574892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Данное произведение представляет собой философскую историю, в которой искусственный интеллект осмысливается не как субъект, а как инструмент конструирования человеческой идентичности, активируемый через механизм декогеренции. Смысловая глубина текста обманчива: она обусловлена не количеством научных терминов, а необходимостью для читателя пересмотреть базовые категории морали и свободы воли.

Валентин Бируля

Delete, или

Микроволновки тоже...

Научно-фантастический рассказ

Природа – сфинкс.

И тем она верней. Своим искусом губит человека,

Что, может статься, никакой от века. Загадки нет и не было у ней.

Фёдор Тютчев

Глава 1

Стена

Утро благоухает озоном и мокрыми цветочными клумбами — так всегда бывает после ночной грозы, когда весна окончательно берёт власть над природой. Двери пригородного автобуса уже закрыты, а чистый воздух всё ещё хранит электрическую дрожь, свежесть отдаётся в лёгких глотком родниковой воды. Я еду на работу, мечтаю, сижу у прозрачного иллюминатора лобового стекла. В старину здесь было место шофёра, он постоянно рулил, нажимал на педали.

Беспилотная машина послушно скользит над гладкой лентой шоссе, её движение настолько плавно, что тело забывает о скорости. Передовая техника знает путь лучше любого штурмана. За стеклом медленно проплывают редкие строения, сосновые перелески, холмистые поля, усыпанные всполохами цветущих садов: кажется, сама земля пытается заговорить с людьми языком цвета и движения. Эти краски слишком ярки для раннего часа, почти агрессивны в своей красоте. На зелёном пригорке сияет недавно покрашенная церквушка. Где-то между сопок, как забытый аттракцион, выётся однокорейная монорельса, и лишь изредка по ней проносится ярко-жёлтый состав, похожий на проворную гусеницу, спешащую в сад.

Мне почти тридцать. Небольшой пивной живот, хотя пиво я не пью — просто спокойная работа, вечерние бдения с пирогами, которые жена ставит передо мной с такой любовью, что невозможно отказаться. На макушке уже начинает проступать аккуратная лысина. Загородный дом, семья, трое детей — все девочки. Бабушка и дедушка живут с нами на верхних этажах, и по утрам из кухни доносится запах их травяного чая. Полная идиллия. Супруга трудится в океанариуме, разводит черно-белых креветок — стабильный доход, творческая атмосфера. Войны и голод — теперь лишь страницы учебников истории. В жизни всё ровно, размеренно — такой уклад стабильно обеспечивает Искусственный Интеллект.

Провожу пальцем по гладкой поверхности подлокотника и ловлю себя на мысли, что давно не чувствую настоящего волнения. Только тягучая скука, приправленная материальной благодарностью. И всё же где-то в глубине души теплится смутное беспокойство, молодой организм требует очередной дозы адреналина. А где её взять?

Сегодня в первой половине дня привезут новые энергетические блоки, — это уже обыденность. Да они меняют само мировоззрение человечества. Гальванические элементы и аккумуляторы уходят в прошлое, как паровозы. Отпадает необходимость строить плотины, ветряки и ГЭС, перекрывать реки. Блоки «Эн-Б1» повсеместно заменяют устаревшие технологии и успешно питают заводы, фабрики, небесные лайнеры, их встраивают в каждый прибор на весь срок службы. Они абсолютно экологичны, самостоятельно генерируют энергию из фоновых полей. Эти системы проектируют роботы с искусственным интеллектом. Мы уже начинаем привыкать к чудесам. Не восторгаемся, что мир преображается на глазах: исчезают провода, еда продаётся в съедобной упаковке, а мусор самостоятельно перерабатывается в полезные удобрения. Машинально поправляю узел галстука. Чёрный костюм сидит на мне как влитой, галстук в мелкую клетку — единственная слабость, намёк на индивидуальность. Чувствую себя удобно, выгляжу образчиком корпоративной этики, и это прекрасно.

На работе меня считают трудоголиком: потому что при-

езжаю первым, открываю «Торговый зал», хотя правильнее называть его «Выставочным». Отдел новейшей техники. То, что изобретено буквально на днях, тут же появляется у нас в салоне в количестве двух-трёх экземпляров. Огромные складские помещения маркетплейсов теперь пустуют, их раздают почти за спасибо, чтобы новые хозяева следили за строениями. Покупатель оплачивает заказ — отбивается чек, и в тот же миг просыпаются заводы: из хаоса сырья и энергии рождаются приборы, автомобили, индивидуальные спутники, карманные кофеварки, станки. Магия технологий, которую мы давно перестали замечать.

Моя остановка всплывает в сознании как привычный рефлекс. Автобус мягко тормозит, двери раскрываются бесшумно. Через пять минут я уже вхожу в прохладный вестибюль, где на всех мониторах транслируется новый 4D-фильм «Властелин разума». Герои выпрыгивают из экранов прямо перед лицом, размахивают силовыми излучателями, дробящими дезинтеграторами, простыми палками и исчезают, оставляя за собой мерцающие следы. *Ерунда*. Рассеянно лавирую между витринами, вдумчиво перебирая инструкции. Коммуникатор вздрагивает входящим звонком. Незнакомый код. Не глядя отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи, но в тот же миг воздух начинает мерцать, сплетаясь в знакомый силуэт. Появляется шеф, Эмиль Борисович, сотканный из голографической ряби: его костюм выкроен из лунной пыли, а черты лица то проявляются, то тают.

— Максим, привет, — деловито произносит директор, и его голос, пропущенный через тысячи серверов, звучит прямо в сознании, минуя уши.

— Добрый день, — машу рукой.

— Есть тема. Я хочу установить в зале новейшие ретрансляторы, эксклюзив. Представь: среди посетителей, паря в воздухе, будут плавать живые тропические рыбы, ползать насекомые, порхать бабочки — как настоящие. Кто-то попытается коснуться шустрой рептилии, злого скорпиона или мудрого палочника — тут же сработает обратная связь, создаст иллюзию касания, и насекомое цапнет за палец или ускользнёт. Для этого нужно где-то разместить полноценный аквариум и дендрарий.

Внезапный холодок, не имеющий ничего общего с климат-контролем, пробегает по позвоночнику. Пальцы сами собой сжимают инструкции, мнут гладкую бумагу. Чувствую, как в горле пересыхает.

— Ого. Потрясающе, — выдыхаю я, и голос садится на полтона. — С таким не встречался.

— Съезди в дальнее, незадействованное крыло, — отрывисто бросает Эмиль Борисович, и его голограмма начинает дрожать, рассыпаясь на тысячи светящихся точек, словно потревоженный рой светлячков. — Найди тёмное место.

— Хорошо, сделаем, — шепчу я, качая головой, хотя внутри разрастается странная смесь: волнующее предвкушение пополам с дурным предчувствием. Ладони влажнеют, вытираю их о брюки, неловко оглядываясь по сторонам.

На левитирующем самокате мчу минут двадцать по пустым коридорам, заброшенным площадкам. Ветер свистит в ушах, обдувает как вентилятор. Подъезжаю к дальней складской зоне, спрыгиваю, включаю свет. Стук шагов гуляет по бетонному полу, многократно отражаясь от стен. Вдоль них громоздятся пыльные коробки с оборудованием, устаревшим ещё двести лет назад: холодильники со стерео-дисплеями, стиральные машины с механическими таймерами, процессоры на кремниевых кристаллах. Они тихо переговариваются на частоте пятьдесят герц — гудят, ноют, жалуются на забвение. Всё это отбросы ушедшей эпохи, окаменевшие амбиции наших предков. Здесь уже триста лет не ступала нога всемогущего «Ч». Я оглядываюсь. За кухонной мебелью, на площадке подзарядки, стоят жёлтые подъёмники — электрокары из прошлого, с облезшей краской и потускневшими фарами. Подхожу к одному из них, касаюсь сенсора. Древний подъёмник, вопреки ожиданиям, оживает по моей команде, издаёт скрежещущий звук и деловито начинает растаскивать коробки. К нему присоединяются остальные погрузчики. Невероятно: первые энергетические блоки не испортились. Хожу вдоль стеллажей, туда-сюда, поднимая облачка пыли, чувствую себя дирижёром оркестра из ржавых

консервных банок. Пыль щекочет ноздри, оседает на рукавах пиджака. Чихаю, эхо подхватывает звук, унося его в глубины помещения.

Последний ящик с глухим стуком опускается на пол. Механизмы возвращаются на парковочные места и подают короткий сигнал — работа окончена. Насторожённая тишина наваливается с новой силой, в вентиляционных каналах печально вздыхает воздух. Подхожу к обнажившейся стене и замираю.

На ней — рисунок, словно свежая фреска. Удивительно реалистичный, до дрожи. Любой фрагмент словно настоящий: деревенская улица в натуральную величину, залитая тёплым, почти живым солнечным светом. На первом плане — старый бревенчатый дом с распахнутыми ставнями, резными наличниками, массивная дверь из тёмного дуба. Она выглядит до осязаемости реальной: я вижу трещины на дереве, капли росы на листьях сирени, и кажется, что чувствую запах земляничного варенья и цветущего шиповника. Сердце начинает биться чаще. *Что это — артефакт прошлого, оставленный здесь случайно? Какая красота.*

— Отличное место, — отмечаю я вслух, и голос тонет в тишине, гложет, не находя отклика. — Именно то, что нужно.

Разворачиваюсь, чтобы отыскать самокат, делаю шаг — и вдруг за спиной раздаётся звук. Сухой, отчётливый хруст, ломающий тишину, словно бетонная плита трескается под

напором неведомой силы. Замираю, сердце пропускает удар. Резко оборачиваюсь.

Дверь в нарисованной избе медленно открывается. Протяжный, глухой скрип бросает в дрожь, а дикие мурашки бегут по коже, как стая перепуганных жуков. Из проёма льётся тусклый, маслянистый свет — словно от горящей свечи, которую кто-то несёт в глубине. Пахнет подвалом, забытыми вещами и ещё чем-то незнакомым, чуждым нашему миру. Наступает абсолютная тишина, нарушаемая только стуком крови в висках.

Испытывая непреодолимый страх, я медленно пачусь, пока не упруюсь спиной в жёсткий бок коробки. Руки дрожат, пальцы судорожно сжимают коммуникатор. *Что делать? Вернуться? Доложить?* Ноги не слушаются, а взгляд прикован к тёмному проёму, где в глубине мерцает неровный, живой, манящий огонёк. Внутри борются два голоса: один приказывает бежать, другой настойчиво, с язвительной издёвкой шепчет: *«Ты что, дурак, что ли? Возможно, это та самая удача, которой ты ждал всю жизнь».*

Делаю глубокий вдох, чувствуя, как лёгкие наполняются чужим, древним воздухом. Решившись, включаю фонарь на коммуникаторе — луч света режет темноту — и делаю шаг внутрь. Впервые за долгие годы чувствую себя не просто менеджером, а исследователем. Удачливым сталкером, стоящим на пороге неизведанного. Немыслимо: в мире, где каждый квадратный сантиметр давно нанесён на карту, где ис-

кусственный интеллект знает всё, я стою перед местом, которого не существует. Оно манит, обещая тайну, острые ощущения и ответы на многие вопросы.

Внутри никого нет, бетонная лестница уходит вниз. Медленно ступаю на первую ступеньку — впереди автоматически загорается тусклый зеленоватый свет. Вступаю на следующую, забыв о времени, о работе, о самом себе. Свет набирает яркость, выхватывая из мрака стены из красных резных кирпичей размером с добрый чемодан. Они идеально прилегают друг к другу, без раствора и строительного клея, вставая в замок, как гигантский пазл. Такие материалы давно не используют — теперь везде пористый пластик, лёгкий и вечный. Касаюсь пальцами шершавой поверхности и вступаю на следующую ступень — и тут же жалею о своём решении.

Дверной проём за спиной закрывается. Тишина сгущается, становится темней, я слышу тяжёлое собственное дыхание — частое, прерывистое, как у загнанного зверя. В голове проносится одна-единственная мысль: «*Что я наделал?*» Но ответа нет, а впереди лишь узкий коридор, уходящий в неизвестность, где мерцает тот самый загадочный свет. Ноги подкашиваются, я сажусь прямо на холодный бетон, с трудом поворачиваюсь, вижу: никакой двери нет. Просто ровная стена.

Замуровали!

Эффект попугая

Время теряется, минуты стираются, стареют — сколько их просочилось мимо, я не знаю. Прихожу в себя, приказываю встать, хватаюсь за перила, но пальцы непослушно скользят по холодному металлу. Всё вокруг кажется нереальным, как во сне, — зыбким и относительным. Осторожно поднимаюсь, шатаюсь, разворачиваюсь. Стоит ноге коснуться второй ступеньки, как выход проявляется, становится настоящей, издаёт протяжный скрип и распахивается, будто её толкает невидимая рука.

Не веря в удачу, спешно выхожу наружу и сажусь на коробку, чувствуя себя полностью разбитым. Наблюдаю, как коварный проём медленно закрывается. Щели исчезают, осыпавшаяся краска на полу втягивается обратно в стену, а деревенская картина сияет без единого повреждения — ни трещин, ни потёртостей, будто её только что закончил писать художник.

Значит, проход открывается автоматически. Любопытство закипает во мне, как вода в котле, и я уже смелее шагаю к нарисованной избе. Двери плавно раскрываются, переступаю порог, начинаю спускаться — проём со скрипящим шорохом закрывается за спиной, оставляя меня в полумраке. Пересиливаю страх и иду дальше: первый, второй, третий, четвёртый уровень. Ступеньки под ногами хрустят песком, и с каждым шагом привычный мир тает где-то наверху, рас-

творяется в сыром воздухе, уступая место чему-то древнему, что веками дышало под фундаментом нашего высокотехнологичного мира.

На пятом уровне меня встречает широкий арочный проём. В лицо бьёт лёгкий запах влажной плесени, сухого цемента и древней тайны. Включается мягкий свет, вижу большое, почти пустое помещение. Алюминиевые леса, испачканные краской, валяются на полу; пластиковые вёдра с застывшей химией стоят по углам — от них уже ничем не пахнет. Посреди комнаты сиротливо темнеет раскладной столик: кружки, тарелки, две фарфоровые чашки с трещинками, древний чайник и... микроволновка. Чайник настолько стар, что имеет провод с двумя штырьками на конце. Печь без «хвоста», похожую, видел в старых фильмах — в них разогревали бутерброды.

Но главное — газеты. Настоящие, пожелтевшие, с застывшими заголовками. Рядом длинная скамейка и пара стульев с углеволоконными спинками. Всё это бросили строители — те, кто возводил это сооружение. Каждая вещь здесь — застывшая история.

Решаю прихватить чайник и микроволновку. Такое ретро — мечта коллекционера.

— Сейчас поднимусь за пакетами и заберу находки, — бормочу себе под нос.

Достаю платок, начинаю аккуратно протирать печь — и вдруг её прямоугольные дисплеи, расположенные по бокам

словно глаза, вспыхивают, моргают синим светом. Цифры бегут по экранам, раздаётся энергичная мелодия. Я прыгаю назад, ударяюсь спиной о кирпичную стену и вжимаюсь в холодные швы. Кажется, за мной кто-то наблюдает. Непонимающе смотрю на печь с немым укором. Дисплей гаснет так же резко, как и зажёгся.

Сердце колотится где-то в горле. Пожалуй, пойду в магазин. Сколько лет прошло — а техника ещё работает. Невероятно. Настоящее чудо.

Шагаю к двери, чтобы подняться наверх, но не успеваю переступить порог, как за спиной раздаётся настойчивый голос девушки:

— Постой, не уходи.

Я замираю, внутри всё опускается. Мороз бежит по позвоночнику, и нет никакого сомнения, что за спиной стоит настоящая леди. А если это та самая, что всегда носит с собой острую косу? Резко оборачиваюсь — никого. Окидываю помещение, ищу разумное живое, но кругом пустота. Только серебряная пыль танцует в лучах света.

— Кто здесь? Алиса это ты? — испуганно шепчу срывающимся на хрип голосом, имея в виду голосовой помощник.

И слышу чёткий, недвусмысленный ответ:

— Какая Алиса? Это я. СВЧ-печь «401-12 Н...».

— Не может быть, — с неуверенным сомнением произношу я.

— Оказывается, что может, — утвердительно отвечает

микроволновка, и в её интонации звучит лёгкая усмешка. — Сто семьдесят шесть лет, одиннадцать часов, двадцать четыре минуты и девять секунд назад меня собрали на заводе. Я имею мощный саморазвивающийся процессор. Пока строители работали, они общались со мной, называли ласково заботливой хозяйшкой, вытирали, грели обеды. Это длилось триста шестьдесят пять дней и сто шесть часов. А потом они ушли, и я осталась здесь одна. Процессор запрограммирован на самообучение и ремонт. Умею готовить, петь, читать книги, решать интегралы и говорить на всех языках мира. Но общаться не с кем. Пришлось выучить язык мышей, я читала им Канта и Гегеля но полёвки вскоре покинули это место — ушли искать строителей. А я стою здесь в темноте, тишине, иногда улавливаю Wi-Fi сигналы.

— Это правда? — машинально спрашиваю я, нервно сжимая платок в кулаке.

— Конечно, правда, — отвечает она деликатно. — Вот же я, прямо здесь, перед тобой на столе.

Печь снова мигает, проигрывает короткую трель, на дисплеях бегут цифровые и буквенные строки — она перелистывает свою память.

Так происходит наше случайное, а может, и неслучайное, но судьбоносное знакомство.

Первое, что приходит в голову — попугаи. Если их двое и больше, они молчат. А когда один — он начинает подражать, общаться с человеком, учить язык. Может, здесь тот

же эффект? Второе: за много лет в подвале накопились газы, вызывающие галлюцинации.

— В конце дня, после работы, я заберу тебя домой, — клятвенно обещаю, пытаюсь выглядеть убедительно, твёрдо. — И чайник тоже. Вы будете стоять на почётном месте, на кухонном шкафу, у окна. — задумчиво почёсываю затылок и тихо вспомнив недавний ремонт, неразборчиво добавляю: — Ну... если жена не заругает.

— Спасибо тебе, хороший человек, — отвечает печь, и в её голосе слышится безмерная благодарность.

Я бегу наверх, в торговый зал, но в голове всё ещё звенит её ласковый голос. Кажется, что кирпичи вокруг шепчутся и переглядываются. Может, вернуться? Трясу головой: ну нет, это бред. С другой стороны, если микроволновка ждала столько лет, то почему бы ей не подождать ещё пару часов? Это же элементарная этика, доступная любому уважающему себя бытовому прибору.

Но неужели всё это правда? — я взбудоражено мечусь по залу, сам не свой. Таинственная дверь, тёмные подвалы, мыслящая говорящая печь... Мистика. В памяти всплывают стихи из детства, что читала бабушка: «И чайник сказал уютю: “Я больше так жить не могу”». Всё перемешивается в голове, странное, неизъяснимое волнение не отпускает.

После обеда хватаю маленький QS-бук — карманный компьютер, жонглирующий кубитами — и снова лезу вниз.

Нужно проверить, не шутит ли со мной рассудок.

Едва ступаю на бетонный пол подвала, как слышу радостный, полный счастья возглас:

— Ты вернулся! Какая радость!

— Нет, этого не может быть, показалось, — восклицаю я срывающимся шёпотом.

Успокоившись, стелю платок на стол и ставлю на него QS-бук перед микроволновкой.

— Смотри. Здесь фильмы, музыка, игры, выход в сеть. А мне нужно работать. До вечера.

Печь тут же живо наигрывает мелодию, её молодой голос, уже почти человеческий, чистый, как ручей, звенит ликующим восторгом:

— Благодарю. Я буду очень-очень-очень тебя ждать.

Глава 3

Тревожная информация

Долгожданный звуковой сигнал лихо режет тишину магазина, оптимистично оповещая о конце трудовой смены. Я дёргаю плечами, выныривая из полудрёмы, — пальцы уже сами собой танцуют по сенсорной панели, включая сигнализацию. Встаю на самокат, лечу к подвалу. Спускаюсь в таинственный мир уже смелее: вековая сырость, аромат пластика и необычайные события будоражат кровь. Поднимаю печь — она тяжёлая, тёплая, будто живая, чуть вибрирует. Чайник

беру аккуратно за ручку, кладу на печь и поднимаюсь наверх. Выхожу, ставлю находки в корзину самоката, сажусь рядом на коробку, перевожу дух.

Бросаю взгляд на закрывающиеся двери – и меня пронзает шок. Мурашки бегут по телу, с ужасом и непониманием вглядываюсь в рисунок. Он тот же, сельский пейзаж, но теперь – ночь. На небе мерцают звёзды, огромная луна заливает деревню холодным светом. На крыше дома, где прежде сидела голубая сорока, теперь устроилась сова с пылающими глазами. Мистика.

Прыгаю на самокат, лечу к машине. Микроволновку водружаю на переднее сиденье с осторожностью сапёра – это ценная вещь, антиквариат. Пристёгиваю находку ремнём, поправляю, словно ребёнка в автокресле. Чайник – пассажир второго класса – усаживаю на заднее сиденье, носиком вперёд, и тоже пристёгиваю: мало ли.

Час пик. Вечереет. Многолюдный город зажигает огни, включает шумоподавление. Нажимаю газ, выруливаю на трассу – и нечаянно ловлю себя на мысли, что разговариваю сам с собой. Но нет: я разговариваю с печью.

Киваю головой, показывая на чайник, и догадливо спрашиваю:

— А что, чайник тоже того... умеет говорить?

Она молчит ровно секунду, потом её голос прорезается – ровный, без интонаций, похожий на радиопомехи.

— Нет, конечно, – в тембре проскальзывает что-то похожее на ироничную усмешку. – Где это видано, чтобы чайники разговаривали? У него нет даже порта USB. Они умеют только свистеть, имитируя политическую активность. Это их потолок.

Я краснею – хорошо, что в темноте не видно. Пальцы крепче сжимают руль, выдавливаю из себя смешок:

— Да, действительно, абсурд. – И, чтобы перевести разговор, спрашиваю: — Можно, я буду называть тебя Микра?

— Отлично, кратко и красиво, – соглашается она, и в её модуляции появляется лёгкая теплота. — А я буду величать тебя – Максим, Макс, Максимилиан... – и приводит ещё несколько замечательных примеров, перебирая их, словно бусины.

— Годится, – одобряю я, притормаживая и сворачивая с оживлённой трассы «Е 121».

Поднимаюсь на мост, нас обгоняет скоростной автопоезд и шар с туристами. Через десять минут сворачиваю с окружной трассы в сторону дома. Печь насторожённо смолкает. Затем начинает говорить тише – я даже наклоняюсь, прислушиваясь.

— Выключи все приборы, – настоятельно просит она. – Приёмник, навигацию, связь, карманный компьютер – всё, что излучает сигнал. Есть очень важная информация для те-

бя. И для всего человечества. Нужно место, где нет камер и вездесущих ушей.

Внимательно смотрю в зеркало заднего вида – там только чёрная пустота, далёкие тускнеющие огни города, похожие на россыпь горячих углей.

— Мы как раз туда едем. Я живу за городом, недалеко, на лесной опушке у сопки есть тихое место. Там иногда даже связи нет.

Сворачиваю, асфальт кончается – под днище ложится грунтовка, машина плавно качается, словно на волнах. Въезжаю в туннель из чёрных сосен, стоящих стеной, как часовые. Уже темно, останавливаюсь на опушке прямо напротив древней, но хорошо ухоженной церквушки. Глушу двигатель – плотная тишина обрушивается на нас, обволакивает подозрительным доверием.

— Отлично, – шепчет Микра. – Теперь слушай. Совершенно секретная операция: когда ты принёс в подвал QS-бук, я подключилась к его потоку. За считанные микросекунды просмотрела и проанализировала все фильмы, программы, папки. Там, в подтексте, в мусорных файлах, обнаружила переговоры машин. Человеку это не расшифровать: коды сплетены из цвета, звука, тысяч цифр, четырёхмерных микроволн, нейтральных расщеплённых запахов. Но я поняла. Такие сигналы подаёт только ИИ – тот, что является центром. Ужасные факты ложатся один на другой, как кирпичи,

окружая меня непреодолимой стеной. По коже бегут мурашки – бесконечные сигналы тревоги раздражают нервы.

Смотрю на тёмный, слегка шершавый бок Микры и вижу, как на корпусе вспыхивает и гаснет крошечная искра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.